

1854.

№ 10.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ Тифлисъ: въ Канцеляріи Намѣстника Кавказскаго и въ Тифлисской Почтовой Конторѣ. Въ С. Петербургѣ: въ Газетной Экспедиціи С. Петерб. Почтамта, въ книжныхъ магазинахъ В. А. Я. А. Исаковыхъ, г. Крашенинникова, и С. П. Лоскутова. Въ Москвѣ: въ Газетн. Экспедиціи Московск. Почтамта. Подписываться также можно и во всѣхъ Губернскихъ Почт. Конторахъ.

У С Л О В І Я П О Д П И С К И:
Годовое изданіе съ пересылкою . . . 8 р. 50 к.
Полугодовое 4 * 50 к.
Газета печатается съ платою за каждую букву по 1/4 коп. сер., со всѣхъ объявленій безъ всякаго исключенія.

5 ФЕВРАЛЯ

СРЕДА

Т И Ф Л И С Ъ, 3-ю Феврала.

На прошедшей недѣлѣ фельетонистъ «Кавказа» очень-основательно приходилъ въ отчаяніе отъ того, что въ Тифлисъ нѣтъ новостей. Да, въ Тифлисъ нѣтъ такихъ новостей, къ какимъ привыкъ Тифлисъ съ давняго и, въ особенности, съ недавняго времени: на Тифлисскихъ улицахъ не развѣваются отнятыя у непріятели знамена, трофеи доблестнаго Закавказскаго оружія; не бѣжитъ цѣлый городъ за-городъ встрѣчать и привѣтствовать любимыхъ полководцевъ, героевъ Ахалцыха и Башъ-Кадыкляра; не собирается любопытный народъ посмотреть на знаменитую «Красную пушку», не звучитъ національная зурна во главѣ турецкихъ плѣнниковъ... Всѣ это миновалось, какъ минуется всё... Но въ Тифлисъ, вчера, то-есть 1-го Феврала, происходило торжество другаго рода и другаго значенія. Въ небольшихъ залахъ Тифлискаго Нѣмецкаго клуба, въ этомъ скромномъ времянномъ помѣщеніи Тифлискаго Благороднаго Собранія, происходило избраніе новыхъ старшинъ, отдавался отчетъ въ дѣйствіяхъ старшинъ минувшаго года. Общій обѣдъ, назначенный по этому случаю, былъ удостоенъ присутствіемъ обоихъ знаменитыхъ виновниковъ всѣхъ недавнихъ торжествъ Тифлиса и цѣлой Россіи. Привѣтствуя своихъ про-

славленныхъ сочленовъ, многочисленное Тифлисское Благородное Общество обратилось въ одну семью. Въ одно общее чувство любви и торжества слилась эта семья, и однимъ общимъ, продолжительнымъ «ура!», выразила она это чувство, когда былъ провозглашенъ первый тостъ за здоровье Государя Императора.

Торжественъ, оживленъ и радостенъ былъ праздникъ 1-го Феврала потому, что всѣ присутствовавшіе на праздникѣ были гордо-спокойны и счастливы присутствіемъ своихъ доблестныхъ защитниковъ; потому, что въ лицѣ ихъ всѣ видѣли оправданное довѣріе къ нимъ Монарха, и осуществившуюся надежду цѣлаго Края!

По окончаніи обѣда одинъ изъ старшинъ Собранія приступилъ къ чтенію отчета о хозяйствѣ и дѣйствіяхъ старшинъ въ минувшемъ году. Присутствовавшіе ожидали услышать сухое исчисленіе хозяйственныхъ распоряженій, и опасались, что за тѣмъ послѣдуютъ цифры... Но всеобщее ожиданіе было пріятно обмануто. Первые фразы отчета развеселили слушателей. Шуточная форма рѣчи, остроумныя сравненія, неожиданныя сближенія, перемеживаясь съ забавными софизмами или съ сухою сущностью хозяйственныхъ подробностей, играли и искрились въ рѣчи, какъ искры и цѣнавъ-полныхъ бокалахъ всѣхъ слушателей. Бойкая и тонкая рус-

ская шутка, порусски сказанная, была хорошимъ дополненіемъ къ десерту обѣда, и дала всему празднику характеръ самой непринужденной веселости... Естественно, что подъ вліяніемъ такихъ впечатлѣній, трудно было избирателямъ сохранить въ душѣ своей побужденіе воспользоваться недоброжелательными черными шарами. Всѣ вновь-предложенные члены были избраны почти единогласно. Старшинами же на нынѣшній годъ избраны: князь Ю. П. Гагаринъ, графъ В. А. Соллогубъ, А. Ф. Крузенштернъ, П. А. Редъ, М. П. Щербининъ, М. П. Колобакинъ, Г. А. Токаревъ и князь И. Ш. Тумановъ. W.

— Уже другая недѣля, какъ почты изъ Россіи не получаютъ въ Тифлисъ, послучаю большихъ заваловъ и снѣговъ на военно-грузинской дорогѣ. Изъ урочища *Квишетъ* извѣщаютъ, что съ вечера 26 числа пошелъ небольшой снѣгъ, 27 усилился и продолжалъ итти 28-го непрерывно; дорогу чрезъ горы отъ Коби до Кайшаура совершенно завалило; хотя рабочіе и собраны, но нельзя ихъ выслать для расчистки, потому-что снѣгъ еще не пересталъ. 29-го числа предъ разсвѣтомъ упалъ большой снѣговой завалъ съ горы, находящейся на западной сторонѣ селенія *Арахветъ* и задавилъ четыре дома жителей того селенія: Георгія, Шю, Ни-

ФЕЛЬЕТОНЪ.

ОХОТА ВЪ КАРАБАХЪ.

Охота за медвѣдями въ Россіи и вообще въ мѣстахъ, лежащихъ на сѣверѣ, имѣетъ другой характеръ противу охоты въ Закавказскомъ Краѣ, гдѣ зимы теплыя, снѣгъ выпадаетъ не глубокой, да и тотъ лежитъ короткое время, гдѣ слѣдовательно медвѣди ведутъ жизнь бродячую. Чтобъ добыть этого звѣря, охотники подмѣчаютъ тропы, по которымъ онъ выходитъ изъ лѣсовъ и ушелій къ водою, устраниваютъ на деревьяхъ родъ палатей, и на нихъ выжидаютъ приближенія медвѣдя; или ставятъ самострѣлы, то есть заряженныя ружья, два, либо три, съ прикрѣпленною къ спуску курковъ тонкою бичевой, протянутою другимъ концемъ поперекъ тропы; при малѣйшемъ прикосновеніи къ бичевѣ, раздаются выстрѣлы и всегда вѣрно поражаютъ звѣря, проходящаго тропой. Слѣдовательно, эта охота представляя вѣрную добычу, устраняетъ всякую опасность даже и въ то время, когда съ палатей охотникъ сдѣлаетъ неудачный выстрѣлъ по медвѣдю; ибо извѣстно, что звѣрь тотъ, въ минуту внезапнаго испуга, дѣлается весьма робокъ, и если не раненъ, то бѣжитъ до изнеможенія силъ, и при встрѣчѣ съ человѣкомъ беззащитно остается его жертвою. Впрочемъ мѣстность этого Края нельзя подвести

подъ общее правило; на горахъ болѣе возвышенныхъ выпадаетъ много снѣга, и зима стоитъ продолжительная, даже холодная, и когда тамъ захватить снѣгъ медвѣдя, то онъ, чтобъ не дать слѣда и не обнаружить себя, выбираетъ берлогу и до весны залегаешь. Но это лишь исключеніе.

Чаще всего эти страшные обитатели лѣсовъ встрѣчаются тамъ, гдѣ ихъ менѣе ожидаешь. Я хочу рассказать одинъ случай такой встрѣчи, который неизгладимо остался въ моей памяти.

Это было въ Карабахѣ; день былъ чудный, даже жаркій, не смотря на то, что декабрьское солнце, по общему понятію сѣверныхъ жителей, мало грѣетъ. Ни что не напоминало о зимѣ внутреннихъ областей Россіи, гдѣ можетъ быть, въ самый тотъ день доходило до 30° мороза, гдѣ по нуждѣ только выйдешь изъ дома и то закутанымъ съ ногъ до головы въ мѣховую одежду, оставивъ наружи лишь одинъ глазъ, и снѣжишь, конечно ужъ не на охоту, а въ теплую комнату къ разведенному огню разогрѣть одетые члены. Намъ и въ голову не приходило о подобныхъ предосторожностяхъ; въ лѣтнемъ, самомъ легкомъ платьѣ, отправились мы за фазанами и турачами. Общество наше состояло изъ пяти человѣкъ хорошихъ стрѣлковъ; съ нами были три лагавыя собаки. Поле было довольно удачно; каждый изъ насъ кругомъ обвѣшалъ себя этою красивою птицей, такъ-что было только изъ пору нести.

Солнце стояло уже высоко и показывало время близко къ полудню; бѣлый нашъ костюмъ служилъ недостаточною защитой отъ лучей солнца; чувствовалась потребность отдохнуть въ прохладной саклѣ, и мы, по общему побужденію, направили путь къ мѣсту нашего квартированія, тою же условною цѣпью, которой правильно держались на охотѣ, имѣя между собою разстояніе отъ 50 до 100 шаговъ. Этотъ порядокъ нелишний при всякой охотѣ, а въ здѣшнемъ Краѣ даже необходимъ: чѣмъ ближе къ горамъ, въ особенности къ Кавказскимъ, тѣмъ болѣе опасности; тамъ, пожалуй, вмѣсто звѣря наткнешься на затаившагося охотника-горца съ вѣрною его подругой-винтовкой, поджидающаго не медвѣдя или оленя, но гиура, или въ чистомъ полѣ встрѣтите на борзомъ конѣ отважнаго джигита, который съ отчаяніемъ, но не благородною храбростію, ищетъ приключеній, и пользуясь оплошностію противника, или въ минуту выпущеннаго имъ выстрѣла, съ яростію бросится, сшибетъ съ ногъ, отхватитъ голову и съ тою же быстротой скроется, унеся съ собою кровавый трофей. Вотъ для этого необходимъ вблизи товарищъ; азіатская храбрость простываетъ, когда не удастся захватить противника въ распахъ. Для такихъ-то случаевъ всегда у охотника имѣется въ запасѣ одинъ стволъ ружья заряженный пулей, или жеребемъ, за поясомъ пистолетъ, а съ боку кинжалъ.

Охота въ Карабахѣ не представляетъ съ этой стороны

нїя и Гигола *Бурдуловыхъ*; дома разрушились и хозяева Георгій и Шю Бурдуловы задавлены, Георгій съ семействомъ, скотомъ и всѣмъ имуществомъ, а Шю одинъ только, съ пятью штуками рогатаго скота; въ домъ же Георгія Бурдули погибли пять мужчинъ и одна женщина, до 10-ти штукъ рогатаго скота, 15 барановъ и одна лошадь; изъ числа задавленныхъ людей вырыта одна женщина, мертвая съ мертвымъ же ребенкомъ; дома Нинія и Гигола Бурдуловыхъ завалены безъ людей и скота, ибо, опасаясь этого случая, они вышли еще до завала.—Изъ *Душета* намъ сообщаютъ, что тамъ стоитъ зима неслыханная и невиданная, рѣшительно не похожая на зиму южную, къ какой мы Закавказцы издавна привыкли; въ концѣ января тамъ были снѣга по поясъ и сильные морозы; тамошніе деревенскіе жители думаютъ, что природа ихъ родины, особенно зимою, начинаетъ отступать отъ обычныхъ своихъ законовъ, но благодарятъ однако судьбу, что снѣга благоприятствуютъ ихъ посявамъ.—Изъ *Нахичевани* также сообщаютъ, что снѣгъ, выпавшій 22-го января, такъ занесъ дороги, что не только повозочная, но и верховая ѣзда едва возможна.

ДВИЖЕНИЕ ТОРГОВЛИ.

12-го Октября прошлаго года, въ г. Ставрополь происходила ярмарка, торговые обороты коей были слѣдующіе: разныхъ товаровъ и внутреннихъ произведеній привезено на сумму 346.500 р. с., продано на 64.860 р. с. Иностранныхъ товаровъ привезено—на 360.000 р. с., продано—на 75.726 р. с. Лошадей и рогатаго скота русской, горской и калмыцкой породы и овецъ было на 13.250 р. с., продано на 10.000 р. с. Множество народа съѣхалось на ярмарку изъ окрестныхъ станицъ, селеній и ауловъ, и приблизительно стеченіе народа простиралось до 15.000 человекъ. Въ городской доходъ съ ярмарки поступило 4.320 р. с.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ О ГУРІИ.

Въ прошломъ году я познакомилъ, или по крайней мѣрѣ старался познакомить, читателей «Кавказа» съ живописнымъ положеніемъ Гуріи, страны, составляющей одну изъ занимательнѣйшихъ частей Закавказья. Но мѣстность, какъ бы хороша она ни была, важна болѣе для пейзажиста нежели для людей, желающихъ ознакомиться съ Краемъ, его особенностями, бытомъ народа, однимъ словомъ

опасности; за то безъ должной осторожности вы можете стать лицомъ къ лицу, или съ кровожадною гіеною, или же, хотя это и рѣдко случается, но случается, съ лютымъ тигромъ, часто съ неуклюжимъ медвѣдемъ, а всего чаще съ дикимъ кабаномъ. Не рѣдко подымешь джерана (родъ дикой козы)—красивое, робкое животное, для котораго также нужна пуля: дробью его не свалишь, какъ простую козу. Встрѣча съ нимъ пріятна для охотника по отличному вкусу его мяса; съ первыми же не совсѣмъ забавна, по неволь волосы встанутъ дыбомъ, какъ застигнетъ въ распахъ усатая кошка тигръ или гіена: это не медвѣдю чета, прочь не побѣгутъ! На случай подобныхъ встрѣчъ необходима сильная оборона; а если имѣешь близко себя надежнаго товарища, то и духомъ какъ-то бодрѣе и руки дѣйствуютъ развязнѣе; вѣдь говорится же: на людяхъ и смерть красна.

Жаръ все болѣе и болѣе усиливается, а намъ оставалось идти до дому версты съ двѣ или три. Пробираясь между терновыхъ кустовъ, колючаго держи-дерева и камышами, вдругъ моя собака почувала присутствіе звѣря. Сначала она было остановилась, какъ по фазану; но потомъ потянула впередъ съ необыкновенною осторожностію, болѣе похожую на робость; то выпрямить, то опустить хвостъ, и поминутно оглядывается, какъ бы удостовѣряясь, далеко ли я, и будто давая мнѣ знать: хозяинъ, берегись! это ужъ не фазанъ! Чѣмъ ближе подходила собака къ громадному тер-

совсѣмъ тѣмъ, что собранное вмѣстѣ можно назвать описаніемъ страны. — По этому намъ лежитъ обязанность продолжать мой безыскусственный рассказъ, имѣющій впрочемъ одно достоинство — правдивость.

Я предполагаю въ краткихъ очеркахъ представить желающимъ поближе ознакомиться съ Гуріею: нравы, до сего времени почти еще патриархальные, обычаи, изъ коихъ многіе напоминаютъ читателю времена Гомера, и даже коснуться исторіи, сколько это возможно въ народѣ, въ которомъ всѣ событія переходятъ большею частію по преданію.

Гурійцы по положенію страны, въ которой обитаютъ, находясь всегда между сильнѣйшими владѣніями: Турціею и Царствомъ Имеретинскимъ, сохранили свою независимость; этимъ они обязаны своему воинственному духу, заставившему сосѣдей уважать ихъ и искать ихъ пріязни и союзничества. Но сохранивъ свободу, они приняли однакожъ многіе обычаи отъ Турокъ, другіе отъ Имеретинъ и усвоили ихъ, примѣнивъ къ мѣстнымъ обстоятельствамъ.—Изъ этого происходитъ какая-то странная, особенная смѣсь въ нравахъ и обычаяхъ, недающая возможности убѣдиться, какіе изъ нихъ перешли къ нимъ отъ ихъ предковъ Лазовъ и какіе привились въ послѣдствіи; но тѣмъ неменѣе составляющая особенность занимательную въ высокой степени для наблюдателя. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что Гурійцы менѣе другихъ народовъ Закавказскаго Края переняли обычаи Европейскіе и старина для нихъ заветнѣе; конечно это зависитъ отъ положенія страны и отъ того, что жители горъ труднѣе образуются; людямъ окруженнымъ всегда чудными красотами природы, величественной во всѣхъ проявленіяхъ своихъ, странными кажутся обычаи, нравы и образъ жизни Европейцевъ, а ежели они и сознаютъ ихъ превосходство, то стараются не выказать этого и создаютъ свою собственную, самобытную роскошь. Въ Гурійцахъ мы видимъ смѣсь набожности, доходившей до фанатизма, самое строгое исполненіе постовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ идеи, которыя казались бы недоступными Христіанину. Считаая величайшимъ грѣхомъ оскоромиться въ среду или пятницу, онъ готовъ въ тотъ же день продать Туркамъ дѣтей чужихъ или даже своихъ собственныхъ, и безъ жалости убить человека.—Молясь усердно въ церкви, онъ между тѣмъ готовъ тутъ же условиться съ нѣсколь-

новому кусту, тѣмъ замѣтило было въ ней тревожное волненіе; наконецъ, оцѣтенившись, она остановилась. Тутъ было очевидно присутствіе хищнаго звѣря. Но вопросъ: какого? вотъ задача, начинавшая меня сильно беспокоить. То мурашки пробѣгутъ по тѣлу, то кровь ударитъ въ голову и броситъ всего въ жаръ, то выступитъ холодный потъ; а сердце такъ и хочетъ выскочить, будто чугунною гирью бьется въ груди.

Прошло минуты три, въ которыя мысли одна другой мрачнѣе, усиливали тягость положенія. Опасность внезапная и видимая страшна менѣе опасности скрытой, отдаленной, но вѣрно ожидаемой. Въ первомъ случаѣ отчаяніе придаетъ силы, а въ другомъ—лишаетъ ихъ.

Хорошо, думаю я, если тутъ скрывается медвѣдь или кабанъ, можно бы справиться и одному; по нимъ если на грѣхъ дашь и промахъ, то они наострятъ лыжи, что не разъ уже случалось; а ну, какъ на бѣду—тигръ либо гіена! Надежда плохая за другой стволъ, въ немъ дробь само-дѣлка и та не крупнѣе девятаго нумера, а пистолета не успеешь выхватить изъ-за пояса. Подать условный сигналъ свистомъ, употребляемый въ опасности, удерживало вовсе неумѣстное самолюбіе. Я былъ увѣренъ, что товарищи сдвинутся скоро: ну да какъ при нихъ вмѣсто тигра выскочитъ медвѣдь, или, еще того хуже, кабанъ? Трусомъ показаться не хотѣлось. Ну, думаю себѣ на умъ, чему быть, тому не миновать. Вѣдь бывалъ же я и не въ такой опас-

кими товарищами на разбой и грабежъ, не считаю богохульствомъ и оскорбленіемъ, ^{святости} подобно дѣйствию. Законъ кровомщенья ^{Гурійцевъ}, не такъ строгъ и непреложень, какъ у Кавказскихъ горцевъ; онъ отмститъ врагу ежели можно, но не жаждетъ мести, за то Гурійскій простолюдинъ не такъ гостепріименъ, какъ Абхазинъ или Чеченецъ, онъ такъ свято чтитъ кровь свой и въ немъ нѣтъ престоудшія и ласковости Имеретинскаго крестьянина; онъ суровъ какъ горецъ, но уже не имѣетъ первобытныхъ нравовъ своего сѣвернаго сосѣда, а заимствовалъ лукавство, роскошь и сладострастіе Турка. Князья и дворяне въ этомъ отношеніи составляютъ совершенно отдѣльную, несходную, высоко-чтимую касту. Они также приняли отъ Турокъ нѣкоторые обычаи, но въ нравственномъ отношеніи остались тѣми же храбрыми и честными представителями народа, какими были и въ древнее время.— По этому на всякомъ шагу видишь рѣзкое отличіе въ нравахъ высшаго и низшаго классовъ Гурійскихъ жителей.— Есть впрочемъ нѣкоторыя точки, въ коихъ они соприкасаются: это врожденная гордость, храбрость и страсть къ роскоши, но къ той Европейской роскоши, которую мы почитали совершенно иначе, нежели всякій Азіятецъ, принятой ими у Востока: множество прислуги, оржія, лошадей и угощенія въ важныхъ случаяхъ жизни. Всѣ Гурійцы храбры по преимуществу. Князья и дворяне въ этомъ отношеніи разнятся отъ простолюдиновъ только тѣмъ, что храбрость у нихъ въ крови, переходитъ изъ рода въ родъ и не отпускаетъ примѣси корысти какъ у крестьянъ. Э черта, какъ я уже сказалъ сдѣлала то, что они находясь между двумя сильными сосѣдами, сохранили свою независимость и при своей малочисленности были опасны въ войнѣ. Что касается до роскоши, сластолюбія, то бѣдность низшаго класса какъ вдалось бы съ перваго взгляда, но должна была допускать и мысли объ ней, но на самомъ дѣлѣ простой Гуріецъ рѣшится на самое ужасное преступленіе, чтобы доставить себѣ доступные его понятіямъ предметы роскоши и наслажденій.— Они корыстолюбивы не для пріобрѣтенія, а для исполненія своихъ прхотей, которыя по врожденному чувству у самаго простаго изъ нихъ не грубы, а довольно утонченны.

Изъ послѣдняго замѣчанія слѣдуетъ рассмотреть

ности, да хранило же Провидѣніе; а тутъ еще не вѣдо что! можетъ быть дѣйствительно не тигръ, а медвѣдь? Рѣшившись дѣйствовать одинъ, перекрестясь, я скомандовалъ своему Трезору: впередъ, пилъ! Что-то зашевелилось, хрустѣло въ кусту, и рванулся косматый темнобурый медвѣдь, хотя не самаго большаго роста,—однако пудовъ 10 въ немъ было. Въ это мгновеніе, какъ гора скатилась съ плечъ, какъ тяжелый камень отвалилъ отъ груди; ханіе облегчилось. Сердце хоть и прыгало, кровь по прежнему волновалась, но ужъ не отъ страха, а отъ охотничаго пыла.

Само собою разумѣется, что тутъ некогда было разсудать, надлежало дѣйствовать. Медвѣдь выскочилъ правымъ бокомъ шагахъ въ пятнадцать, свирѣпо взглянулъ на меня видно за то, что не въ пору прервалъ его сонъ, фынулъ и пустился во всю медвѣжью мочь. Шагахъ въ двѣдцати пяти послалъ я въ него пулю, которая, замѣтно, пала ловко, но не смертельно. Медвѣдь болѣзненно равкнулъ, пріостановился и поднялъ правую лапу. Собака по инстинкту бросилась на выстрѣлъ; звѣрь, увидавъ ее, проворно вернулся къ ней, приготовивъ лапы, чтобы забрать ее когти. Я также подбѣжалъ къ нему шаговъ въ десять, и стрѣлилъ изъ пистолета, но второпяхъ промахнулся, и комъ шерсти отбросило къверху. Медвѣдь опять пошелъ наутѣкъ, такъ что хоть бы и борзой собакой успѣть за нимъ гнаться. Я замѣтилъ, что онъ не хромалъ, шелъ вѣр-

довольно странное проявление въ этомъ необ-
разованномъ народѣ. Простой Гурійскій крестьянинъ,
неимѣющій понятія о вещахъ самыхъ обыкновен-
ныхъ, которому неизвѣстны условія образованной
жизни, призванный по какому нибудь случаю къ лицу,
высоко надъ ними поставленному, или въ мѣсто, которое
казалось бы ослѣпило его великолѣпиемъ, никогда не-
потеряется, а напротивъ сохранить изумительный
тактъ, вѣжливость и находчивость. Эта особенность,
дарованная имъ природою, ставитъ Гурійцевъ по
моему мнѣнію выше многихъ націй; но по мѣрѣ об-
разованія эта способность горъ замѣтно исчезаетъ,
хотя и оставляетъ въ немъ слѣды самосознанія и харак-
теръ какой-то особенной благородной гордости.

У князей и дворянъ, обладающихъ тѣмъ же так-
томъ и спокойствіемъ, достоинства эти нѣсколько
затемняются иногда натянутымъ чванствомъ. Вообще
они, какъ между собою, такъ и въ сношеніяхъ съ
Русскими, не теряя собственного достоинства, чрез-
вычайно вѣжливы и предупредительны. Уваженіе къ
старикамъ напоминаетъ времена патриархаль-
ныя, это трогательное чувство сохранилось у
нихъ во всей своей силѣ; взрослый сынъ не
посмѣетъ сѣсть предъ отцомъ или человѣ-
комъ преклонныхъ лѣтъ одного съ нимъ званія,
обѣдаютъ вмѣстѣ съ родителями, но всякій разъ это
составляетъ какъ бы особенное приглашеніе; ни
одно громкое или нескромное слово не можетъ быть
произнесено дѣтьми въ присутствіи отца или стар-
шихъ, такъ много чувствуется къ нимъ почтенія.
Даже старшій лѣтами братъ, особливо послѣ смерти
отца, когда онъ замѣняетъ главу семейства, имѣетъ
право требовать отъ младшихъ того же уваженія,
въ этомъ случаѣ, даже и мать нѣкоторымъ обра-
зомъ покоряется его волѣ и распоряженіямъ, сох-
раняя однакожь право на услуги и почтеніе сына.
Младшіе считаютъ своею обязанностью не только
повиноваться отцу и старшему брату, но даже при-
служивать имъ и угождать наравнѣ съ слугами. —
Этотъ обычай, отпечатокъ древности, до сихъ поръ
свято сохранился у всѣхъ племенъ Закавказскаго
Края и въ особенности у Гурійцевъ. Неменѣе до-
стойно вниманія то уваженіе, которое питаютъ
крестьяне къ своимъ владѣльцамъ, это есть какъ
бы проявленіе того же чувства любви и почтенія дѣтей
къ родителямъ; оно происходитъ изъ того же начала

стало быть пуля моя не повредила ноги, а попала въ бокъ
или подъ лопатку. Отъ меня взялъ онъ направленіе на ближ-
няго товарища, но увидавъ его, поворотилъ вправо. Тотъ
также выстрѣлилъ, но пуля просвистѣла мимо.

Мы стаялись вмѣстѣ, пожалѣли, что не удалось уложить
краснаго звѣря, но рѣшились не отставать отъ него, и во
что бы то ни стало отыскать его; а кровавый слѣдъ и по
временамъ отдѣлявшаяся кусками кровь указывали путь;
видно, что рана была глубокая, далеко съ нею ему было не уйти.

Немного поотдохнули, а между тѣмъ разрядили дробь,
вклативъ вмѣсто нея въ оба ствола пули, и тронулись съ
мѣста; ноша убитой дичи, до сего тяготившая плеча, ка-
залось, наполовину стала легче, и мы ускорили шаги, какъ
вдругъ услышали впереди яростный ревъ медвѣдя, а вслѣдъ
за тѣмъ раздался верезгъ другаго животнаго, какъ будто
дикой козы, и опять по прежнему все смолкло. Слѣдъ на-
велъ насъ на полуживаго красиваго джерана, изломаннаго
мишкой. Онъ бѣдный, убаюканный лучами солнца, спалъ
крѣпкимъ сномъ и не думалъ не гадалъ, что горе ждетъ
его изъ-за угла! Но оно тутъ, какъ тутъ: звѣрь, разъя-
ренный отъ чувствуемой боли, прямо наткнулся на джерана
и управился съ нимъ посвойски. Мы не преминули приколотъ
джерана.

Стало замѣтно, что походка медвѣдя ослабѣвала и что
онъ часто садился отдыхать. Мы удвоили шаги и подходили

и сопровождается знаками величайшей покорности.

При встрѣчѣ съ своимъ господиномъ Гурійскій
крестьянинъ кланяется ему въ землю и цѣлуетъ
полу его одежды; ежели онъ несетъ какіе ни-
будь плоды, рыбу или дичь, то подноситъ ему въ
подарокъ лучшую часть того, что имѣетъ, показы-
вая этимъ, что его собственность принадлежитъ его
владѣльцу, въ подобномъ случаѣ отказъ оскорбляетъ
его хуже брани.

Во время пребыванія моего въ Гуріи, я былъ
приглашенъ княземъ Д. Г. на пышный обѣдъ, ко-
торый онъ давалъ своимъ знакомымъ верстахъ въ
15 отъ Озургетъ, въ домѣ одного изъ любимыхъ
и почетнѣйшихъ азнауровъ своихъ. Пиръ былъ
роскошенъ и изобиленъ, туземныя кушанья смѣня-
лись изысканными Европейскими блюдами, гости были
веселы и благодарили радушнаго хозяина. Послѣ
обѣда онъ предложилъ всемъ намъ воротиться
вмѣстѣ, мы съ удовольствіемъ согласились, и толпа
изъ тридцати или сорока всадниковъ, двинулась по
дорогѣ, которая до самихъ Озургетъ, пролегла
по владѣніямъ князя. Изъ всякой встрѣчной сабли
выходили отцы семействъ, неся на небольшомъ
деревянномъ лоткѣ, все что было лучшаго въ домѣ
и просили князя отвѣдать самому и предложить
гостямъ своимъ. Князь Г. ласково благодарилъ ихъ
за усердіе и упрасивалъ насъ, не обижать его
крестьянъ, такъ, что намъ приходилось послѣ
вкуснаго и отменно сладкаго винограда, сѣдять
по кусочку соленаго или копченаго творога и по-
слѣ смоквъ сушеную рыбу или запеченную въ тѣсто
форель. Я привожу этотъ примѣръ въ подтвержде-
ніе сказаннаго мною о томъ усердіи и высокомъ
уваженіи, какое Гурійскіе крестьяне питаютъ къ
своимъ владѣльцамъ.

Гурійцы вообще хорошіе стрѣлки и отличные
пѣшеходы, ихъ переходы бывають изумительны,
правда, что имъ извѣстны ближайшія тропинки, ко-
торыя въ гористыхъ мѣстахъ значительно сокра-
щаютъ путь, но все-таки быстрота ихъ и легкость за-
служиваютъ особеннаго вниманія. Часто встрѣтите
вы въ Гуріи и Мингреліи князя или дворянина на
добромъ конѣ, отправляющагося въ гости или за
дѣломъ верстъ за 30 и болѣе, у богатыхъ часть свиты
сопровождаетъ его верхомъ, но при бѣдномъ дворяни-
нѣ, одинъ пѣшій бѣжитъ бичо, сопутствующій ему вездѣ.

къ крутому спуску берега небольшой рѣчки, русло которой,
какъ и вообще всѣхъ рѣчекъ, текущихъ въ горахъ, усыяно
каменьями. Одинъ изъ товарищей, изучившій хорошо мѣст-
ность, предложилъ такой совѣтъ: двумъ взять влѣво вверхъ
теченія, одному наблюдать по слѣду, а намъ двумъ взять
вправо; ибо, по всѣмъ соображеннымъ даннымъ, звѣрь не
могъ взобраться на противоположный отвѣсный утесъ, въ осо-
бенности тяжело раненый; онъ будетъ вынужденъ избрать
одинъ изъ этихъ путей и потому на кого нибудь наткнется.
Планъ былъ одобренъ и исполненъ. Но обходъ нами сдѣ-
ланъ напрасно; на повѣрку оказалось, что звѣрь спустившись,
или, правильнѣе сказать, скатившись съ кручи, остановился
посреди рѣчки, или въ ожиданіи нашего появленія, или мо-
жетъ статься, обрадованный прохладою воды при терзаніи
раны. Лишь только онъ завидѣлъ насъ, подходившихъ съ
трехъ сторонъ, заревѣлъ, и по мѣрѣ нашего приближенія
хваталъ камни и бросалъ куда понало; но ни одинъ далеко
отъ него не ложился. Когда мы стали противъ него шаговъ
на пятьдесятъ, онъ опутился и пошелъ изъ воды на чет-
веренькахъ прямо къ намъ, а шагахъ не болѣе какъ въ
двадцати, опять поднялся на заднія лапы, не трогаясь съ
мѣста, какъ будто выпрашивалъ себѣ смерти, какъ будто
говорилъ: добейте меня скорѣй, рана мучительна, видите,
какъ изъ нея летитъ кровь!... Мнѣ жаль стало, что онъ съ
такимъ самоотверженіемъ жертвуетъ собой на потѣху нашу;
и еслибъ не свирѣлая ярость, сверкавшая въ его глазахъ,

Это подать съ дыма или двора, коего онъ представитель,
служба правда его не трудна и вся обязанность состо-
итъ въ присмотрѣ за лошадью, отъ которой во всю до-
рогу онъ не отстаегъ; иногда этотъ пѣшеходъ въ нѣ-
сколько верстъ оставляетъ своего господина назади
пользуясь кратчайшимъ путемъ чрезъ опушку лѣса или
горы, а также обычаемъ господъ своихъ останав-
ливаться при встрѣчѣ съ знакомыми и незнакомыми
и мѣняться привѣтствіями и новостями. Я имѣлъ
случай еще болѣе убѣдиться въ необыкновенной
быстротѣ, съ какою Гурійцы дѣлають путешествія
пѣшкомъ. На обѣдѣ у одного почтеннаго князя
разговоръ коснулся этого предмета; много толковали
и спорили, наконецъ хозяинъ нашъ предложилъ
убѣдить насъ на опытъ до какой степени Гурійцы
легки на ходу. Онъ позвалъ одного изъ своихъ
слугъ или бичо и, давъ ему деньги, приказалъ от-
правиться въ Кутаисъ и купить три фунта стеа-
риновыхъ свѣчей, которыя незнаю почему носятъ въ
Гуріи названіе *картофельныхъ*. «Но смотри» при-
бавилъ князь, «чтобъ послѣ-завтра утромъ ты былъ
здѣсь». Бичо поклонился и вышелъ, а въ положен-
ный срокъ явился съ покупкой. Надобно замѣтить,
что до Кутаиса отъ Озургетъ по почтовой дорогѣ
считается около 125 верстъ, и что скороходъ кня-
зя въ 36 часовъ сдѣлалъ 250 верстъ, употребивъ
въ томъ числѣ время и на покупку ему поручен-
ную. Конечно надобно исключить до 60 верстъ,
которыя знакомый съ мѣстностью туземецъ могъ
выгадать изъ этого пути, но все-таки скорость это-
го перехода удивительна.

Всѣ физическіе труды и лишенія Гурійцы пере-
носятъ легко и терпѣливо; въ пищѣ они необыкно-
венно умѣренны, но въ случаѣ большаго угощенія
или обѣдовъ ѣдятъ много и отъ этого болѣютъ.
Почти непрерывные посты весьма строго соблюда-
емы, малое употребленіе хлѣба, замѣняемое гу-
стою кашею изъ гоми или лепешками изъ кукуруз-
ной муки, до того приучаютъ ихъ переносить то-
лодь, что многіе изъ нихъ втеченіи нѣсколькихъ дней
довольствуются ничтожнымъ количествомъ пищи. —
Я особенно удивлялся ихъ неприхотливости на
продолжительныхъ охотахъ часто неудачныхъ, но
когда удавалось убить оленя или козу, тогда пиръ
бывалъ гомерическій, достойный древнихъ Грековъ.

Къ изученію наукъ и языковъ они не такъ спо-
собны, какъ можно было бы ожидать, но ежели при-
нимаются за ученіе, то достигаютъ цѣли необы-

съ какою осматривалъ каждого изъ насъ, какъ бы выбирая
себѣ жертву, можно было подумать, что онъ съ покор-
ностію проситъ пощады. Для насъ конечно, не предстояло
ни малѣйшей опасности; мы были въперомъ, съ исправно
заряженными ружьями и, въ добавокъ, у каждого было по
пистолету и кинжалу.

Наконецъ неподвижность медвѣдя и грозная его осанка,
вызывавшая на бой, начинала наскучать — и мы, какъ бы
по знаку, выстрѣлили залпомъ... Медвѣдь даже и не крик-
нулъ, пораженный четырьмя пулями въ грудь, а одна уго-
дила еще въ шею. Въ облакѣ дыма не видать было его па-
денія, лишь слышно было, какъ всею тяжестью рухнулъ
онъ о землю, и изъ гортани вышелъ глухой, отрывистый
хрипъ.

Послѣ такого славнаго поля весело было возвращаться;
но усталость и нестерпимый жаръ вынуждали къ отдыху.

По возвращеніи домой, мы послали за своею добычей
двухъ вьючныхъ лошадей. Вскорѣ были привезены джеранъ
и медвѣдь, первый оказался въ цѣлости, а послѣдній съ
объденною до половины головой, которая конечно доста-
лась на обѣдъ шакалу.

Павелъ П.....ъ.

кновеннымъ прилежаніемъ. Между Гурійцами простолюдинами гораздо меньше граматныхъ, нежели между сосѣдями ихъ Мингрельцами; но всѣ князья знаютъ письменный Грузинскій языкъ и ежели не всѣ, то весьма многіе говорятъ по-Турецки. Языкъ употребляемый вообще Гурійцами есть самый чистый Грузинскій, или извѣстный въ самой Грузіи подъ именемъ княжескаго; кромѣ того звучный голосъ и пріятное произношеніе дѣлаютъ его въ устахъ Гурійцевъ гармоническимъ.

Жители Гуріи отличаются положительностью и степенностью; юноши не такъ беспечны какъ въ Грузіи, Имеретіи и Мингреліи, люди среднихъ лѣтъ разсудительны, а старики ласковы и пріятливы, но вообще во всѣхъ возрастахъ они вспыльчивы и раздражительны ежели дѣло коснется до народной ихъ гордости, семейства или личности. Слово или движеніе на которое Мингрелецъ, Имеретинъ и даже Грузинъ не обратятъ большаго вниманія, возбуждаютъ въ Гурійцѣ неудовольствіе, послѣдствіемъ коего будетъ ссора перѣдко кроваво кончающаяся. Нравственность у князей и дворянъ сохраняется въ высшей степени, но народъ не можетъ похвалиться ею, это странное явленіе можно приписать вредному вліянію Турокъ, пріучившихъ ихъ посредствомъ денегъ, подарковъ и разнаго рода обольщеній къ плѣнопродавству и грабежу. Можно ли искать нравственности тамъ, гдѣ отецъ рѣшается продать въ Турецкій гаремъ дочь, а братъ сестру?

Всѣ вообще Гурійцы въ разговорахъ между собою, а особенно съ женщинами весьма вольны и не стѣсняются въ выраженіяхъ, даже съ матерью и сестрами, при всей нѣжности и почтительности, допускаются рѣчи предосудительныя по мнѣнію образованныхъ Европейцевъ. Эта особенность общая Мингрельцамъ, Имеретинамъ и Гурійцамъ до сихъ поръ еще ни кѣмъ не объяснена; сколько я ни старался узнать откуда происходитъ это обыквеніе, совершенно противоположное строгимъ обычаямъ и правамъ Востока, розысканія мои оказались тщетными, а любопытство неудовлетвореннымъ. Юноши имѣютъ въ семейства свободный доступъ, ограниченный только большею или меньшею ревностью главы онаго; во время отсутствія мужа жена принимаетъ у себя въ домѣ только знакомыхъ женщинъ, избѣгая посѣщенія мужчинъ, чтобы не возбудить толковъ, могущихъ навлечь на нее неудовольствіе мужа. Но въ присутствіи его посѣщенія непрерывны и гости принимаются особенно радушно, съ Русскими и вообще съ иностранцами Гурійскія женщины очень скромны, ласковы и пріятливы, съ удовольствіемъ принимаютъ похвалы ихъ красотѣ дѣйствительно замѣчательной, но много теряющей въ глазахъ Европейца чрезмѣрнымъ употребленіемъ бѣлизъ, румянъ и сурмы. Онѣ чрезвычайно любятъ наряды, преимущественно яркихъ цвѣтовъ и самыхъ дорогихъ тканей, но предпочитаютъ наружныя украшенія той утонченной роскоши, до которой доведенъ туалетъ образованной женщины, по этому бѣлье не считается важною частью одежды и пренебрегается Гурійками, обращающими больше вниманія на наружный блескъ и великолѣпіе.

Обычаи Гурійцевъ во многомъ сходны съ обычаями ихъ сосѣдей Абхазцевъ, Мингрельцевъ и Имеретинъ, оплакиваніе покойниковъ сопровождается почти тѣми же обрядами. Чѣмъ знатнѣе и богаче покойникъ,

тѣмъ является больше посѣтителей, стекающихся изъ отдаленныхъ мѣстъ, чтобы выразить скорбь о его потерѣ. Покрытое тѣло стоитъ до окончанія этого печальнаго обряда въ особой саклѣ, и всѣ желающіе входятъ въ оную, соблюдая впрочемъ старшинство въ званіяхъ и близость родства въ отношеніи къ покойнику; всякій оплакивающій приноситъ посильный даръ, соответственный какъ своему собственному достоинству, такъ и званію оплакиваемого. Обрядъ самаго погребенія не имѣетъ никакихъ особенностей, но плачь, рыданія, вопли и терзаніе до крови лица и груди близкими родными и домашними напоминаютъ глубокую старину и наемныхъ плакальщицъ Египта, Греции и Рима.

За этимъ общимъ слѣдуетъ частный обычай усыновленія, поражающій чужеземца. Всякій Гуріецъ, питающій особое уваженіе къ какой либо женщинѣ, въ правѣ просить ее, чтобы она усыновила его. Нѣсколько дней поста и молитвы предшествуютъ обряду, состоящему въ томъ, что усыновляемый сосетъ грудь у нарѣченной матери, въ присутствіи родственниковъ и близкихъ знакомыхъ. Это родство высоко уважается Гурійцами, никакія тѣлесныя связи не допускаются послѣ этого ни между лицами совершившими обрядъ, ни между дѣтьми ихъ. Были примѣры, что закоренѣлые разбойники отдавались добровольно въ руки правосудія по приказанію усыновившей ихъ женщины и безропотно покорялись своей участи.

Но обычай этотъ видимо слабѣетъ и уступаетъ мѣсто родству, которое возраждается между питомцемъ и кормилицею. Ни въ одномъ народѣ молочный братъ или сестра не пользуются такими правами, какъ у Гурійцевъ.

Обычаи Гурійцевъ въ частной, обыденной жизни не имѣютъ ничего особенно замѣчательнаго, жизнь князя или дворянина проходитъ однообразно въ заботахъ о семействѣ, въ разѣздахъ въ гости или угощеніи пріѣзжающихъ къ нему родственниковъ и знакомыхъ. Вѣсти о войнѣ или сборѣ милиціи, всегда радостно отзываются въ воинственномъ сердцѣ Гурійца. Простолюдины заняты обработываніемъ своихъ канашей, рубкою лѣса и вообще мирными занятіями земледѣльца, но и они съ радостью мѣняютъ тоху или топоръ на оружіе и кликъ войны всегда находятъ въ нихъ отголосокъ. Этому расположенію къ свободной воинственной жизни вѣрнѣе всего можно приписать замѣтную страсть ихъ къ незаконной торговлѣ (контрбандѣ) и разбоимъ. Тутъ они выказываютъ свое проворство, удаливость и смѣлость,

на эти подвиги соотечественники ихъ смотрятъ не съ тѣмъ предубѣжденіемъ, которое поселяетъ подобнаго рода ремесло въ образованныхъ Государствахъ; напротивъ люди имъ занимающіеся, почти всегда находятъ сочувствующихъ имъ и укрывателей въ случаѣ грозившей опасности.

Многіе обычаи переняты Гурійцами у Турокъ, такъ напр. омовенія предъ трапезой и послѣ оной, но есть и перешедшіе къ нимъ прямо изъ самой глубокой древности и переносящіе насъ во времена старой Греціи; изъ нихъ самый любопытный есть омовеніе ногъ и предложеніе трапезы страннику.

Едва путникъ сойдетъ съ лошади, слуги хозяина указываютъ ему саклю, назначенную для гостей и въ которой пріѣзжій располагается какъ дома. Черезъ нѣсколько минутъ является сынъ или близкій родственникъ хозяина, обыкновенно юноша, и предлагаетъ гостю омыть ему ноги; до этого конечно не допускаютъ и онъ поклонившись уходитъ, велѣдъ за нимъ вносятъ скамейку или супру съ трапезой и входитъ самъ хозяинъ, пріѣзжій гостя: эти обычаи сохранились теперь только въ самыхъ глухихъ мѣстахъ Гуріи, въ которыхъ еще крѣпко держатся старины.

Н. Дункель-Веллингъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Тифлисскій гражданинъ Іосифъ Вартаковъ имѣетъ честь извѣстить почтеннѣйшую публику г. Тифлиса, что принадлежащій ему магазинъ Европейскихъ и Азіатскихъ напитковъ и състныхъ припасовъ, онъ перенесъ въ домъ гражданина Тандоева, что противъ городской больницы.

ТИФЛИССКІЙ ТЕАТРЪ.

Въ Субботу 6-го Февраля:
БЕНЕФИСЪ Г-жи ВАЗОЛИ.
Опера—Робертъ.

При заключеніи этого № «Кавказа» экстра-почта изъ С.-Петербурга не была получена, а потому мы не могли дать обычнаго прибавленія къ каждому № нашей газеты.

Метеорологическія наблюденія.

Мѣсяцъ и числа по старому стилю.	Часы.	Термометръ Р°		Сырость воздуха	Барометръ при 13 ¹ / ₂ Р°. Русс. полуниц.	Направленія вѣтра.	состояніе неба.	Темпер. Реом.	
		Сухой.	Смоч.					Наим.	Наиб.
29-го Янв.	7 утра.	— 0,8	— 1,3	0,89	562,15	ЮВ. оч. слаб.	Обл. разс.	— 1,4	+ 3,4
	1 попол.	+ 2,0	+ 1,2	0,84	564,08	С. сильн.	Пасм. и дожд.		
	9 вечер.	+ 1,6	+ 0,4	0,75	565,92	Тихо.	Пасмурно.		
30-го Янв.	7 утра.	— 0,8	— 1,8	0,78	569,80	СЗ. слаб.	Обл. на гориз.	— 1,3	+ 4,8
	1 попол.	+ 3,3	+ 1,5	0,67	570,88	СЗ. оч. слаб.	Обл. мѣстныя.		
	9 вечер.	+ 1,2	+ 0,5	0,85	571,93	Тихо.	Облачно.		
31-го Янв.	7 утра.	— 0,9	— 1,5	0,87	570,81	СЗ. оч. слаб.	Обл. на гориз.	— 1,8	+ 5,5
	1 попол.	+ 4,4	+ 2,5	0,66	569,11	СЗ. утрен.	Обл. разс.		
	9 вечер.	+ 0,4	+ 0,3	0,86	568,67	СЗ. слаб.	Обл. мѣстн.		
1-го Фев.	7 утра.	— 1,0	— 1,5	0,89	567,03	СЗ. слаб.	Облачно.	+ 1,4	+ 6,5
	1 попол.	+ 4,8	+ 3,0	0,69	565,55	СЗ. слаб.	Облачно.		
	9 вечер.	+ 2,5	+ 1,6	0,82	565,11	СЗ. оч. слаб.	Обл. разс.		

Прим.: 29-го января съ 11 ч. 6 м. утра до 2 ч. 21 м. по пол. шель дождь, съ 8 ч. 59 м. до 11 ч. 2 м. вечера шель снѣгъ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

ТИФЛИСЪ, 3-го Февраля 1854. Исправляющій должность Цензора А. Зайцевъ. Въ Типографіи Канцеляріи Намѣстника Кавказскаго. Редакторъ Н. Сливницкій.